

ВЛАДИМИР МАЛИНОВСКИЙ

В БАТУМИ, В 78...

Ровное дыхание спящего моря. Бархатная тёплая ночь. Мириады мерцающих огней города, раскинувшегося на склоне горы. Я стою перед девчонкой-грузинкой, колдующей над горячей плитой. На плите, в турке варится кофе. Аромат кофе смешивается с терпким запахом моря. Он бодрит меня и приятно волнует.

Девчонка, улыбаясь, протягивает мне дымящуюся чашку. Хрустя белой галькой, я иду к самому дальнему столику, что стоит почти у морского приобя. Мелкими глотками смакую ароматнейший кофе. Смотрю на зыбкое серебро лунной дорожки, на мерцающие городские огни. И мною овладевает какое-то странное, очень хорошее чувство. Словами его описать невозможно, пожалуй, что можно лишь спеть.

Это - Батуми. Осень 1978 года.

-Здравствуй, дорогой! Документы, пожалуйста, на машину ... Так ... Молодец! Документы в порядке. Грузия нравится?

-Очень.

-Это хорошо. А скажи, ты пьяный?

-Нет.

Почему?! – офицер широко улыбается.

Это - Тбилиси. Зима. Новый 2018 год.

Признаться, не очень хотелось мне ехать в Грузию после сорокалетней разлуки. За это время много воды утекло, и всякое было. Но вспомнилась мне вдруг тёплая звёздная ночь и чашечка кофе под ласковый шёпот приобя. Я понял – поеду! Поеду в свою далёкую молодость, кусочек которой остался в тогдашнем, приветном Батуми.

Итак, мы в машине. Нас трое: мой сын, его друг из Москвы и ваш покорный слуга. Случилось, что сына и друга зовут Алексеями. Поэтому я (исключительно для удобства общения) присваиваю каждому Лёхе свой номер. Московскому Лёхе – номер один, а своему – номер два (чтобы был поскромнее).

Дорога тяжёлая. Хочется спать. Усталость и невозможная вялость. И это моё впечатление, пассажира – бездельника. А что говорить о ребятах! Они за рулём, сменяя друг друга, безостановочно гонят машину.

Но вот уже кажется две тысячи вёрст позади. Мы в самом конце Военно-грузинской дороги. И долгая ночь на излёте. Вокруг одни серые, скучные горы. Мне тоже невесело. Я задремал ... Но вдруг просыпаюсь от резкой остановки машины и Лёха второй, который сидит за рулём, говорит: «Пойдёмте - посмотрим...» Мы потихоньку выходим.

Совсем незаметно для нас наступило рассветное утро. И горы, проснувшись, окутались нежной, пастелевой дымкой. Заснеженные вершины и пики покрылись лёгким румянцем. Над ними сияло лазурью безмятежное, ясное небо. На наших глазах рождался новый солнечный день. Так нежно – приветливо нас встретила Грузия.

И вот, наконец, мы в Тбилиси. В гостинице нас хорошо накормили, хотя мы и безнадежно опоздали на завтрак. И тут же, не отдохнув, не поспав, ребята решили осматривать город. Я возмутился: «Нельзя же так резко!». Но, возмущившись, немедленно присоединился к экскурсии.

Тбилиси понравился, но, если совсем откровенно, нас больше интересовали горожане, чем город. И что тут сказать... Грузины, как прежде, общительные и гостеприимные люди.

На улицах мы ко всем обращались по-русски: как лучше пройти и проехать? И все нам доброжелательно отвечали. И только однажды на какой – то заправке мы получили в ответ то ли ворчание, то ли бурчание. Но мы не обиделись: видно, парень сегодня съел что-то не то.

Два раза мы были в одном ресторанчике, в центре Тбилиси, в котором прекрасно готовили чахохбили. Впервые его посетив, мы спросили по бокалу вина. В повторный визит мы вновь заказали вино, но нам почему-то принесли бокалы значительно больше чем в первый. Когда мы спросили: «Не велики ли бокалы. Хозяйка ответила, что они те же самые и, улыбнувшись, добавила: «По цене».

Два дня пролетели, как миг. И вот наступила Новогодняя ночь. С бутылкой шампанского мы стоим на мосту через Куру. Здесь на «рублёвых» местах толчея. Отсчёт до полуночи идёт на минуты. И вот... Тбилиси буквально взрывается... бесчисленным множеством фейерверков. Всё небо расцвечено яркой палитрой. Не знаю как кто, но я до сих пор такого не видел нигде. В бумажных стаканах – шампанское, бьющее в нос. Мы пьем, как и все вокруг нас. Тбилисцы целуются и поздравляют друг друга с таким счастливыми лицами, как будто бы в Новом, наступившем году на них непременно прольётся дождь благоденствия. Но видеть такие улыбки и счастливые лица приятно.

С момента восторженной встречи Нового года прошёл целый час, а огненный фейерверк не стихает. Но мы уже смотрим не ВВЕРХ, а ВОКРУГ. Мы в центре Тбилиси.

Здесь круговерть от народа. Идут по улицам семьями, с детьми большими и малыми, и даже катят коляски, в которых лежат груднички. Я вижу весёлые лица и слушаю говор и смех. Но вдруг... лёгкий шок. Что это внезапно воздвиглось передо мною!? Обтягивающая, элегантная дамская юбка. Но это лишь снизу. А сверху... не миловидное женское личико, а РОЖА! Корявая мужицкая рожа, груба, как кирзовый сапог!

Из столбняка, в который я впал, меня выводит Лёха номер один. Он дёргает меня за рукав: «Пойдем, пап. Довольно на педика пялиться».

Я заторможенным шагом иду вслед за ним, оглядываясь на кирзовую рожу. Да лет, эдак сорок назад ТАКОЕ здесь было даже невозможно представить. Теперь,

понимаю, что всё это время страна не стояла на месте. А двигалась только вперёд. По-видимому, ближе к Европе.

От мыслей о странном «кирзовом» видении меня окончательно отвлекает лишь маска паука-человека, которую Лёха второй внезапно натягивает на физиономию Лёхе первому. Тот злится и собирается маску сорвать, однако неожиданно оставляет на месте. Какой-то грузин восхищённо показывает ему большой палец вверх. На Алексее красная куртка. Она в сочетании с такою же маской вполне соответствует образу киногероя. На «паука», улыбаясь, смотрят гуляющие. Особым успехом он пользуется у мелких мальчишек...

Однако я сильно устал. Уже около двух часов ночи. Мне хочется брякнуться на кровать и заснуть. Но двум молодым моим спутникам «ну просто необходимо» ещё посидеть в ресторане. Они его ищут, А я молю Бога, чтоб не нашли. Господь на моей стороне: все рестораны либо закрыты, либо откуплены полностью. Мы уже рядом с гостиницей. Я весь в предвкушении чистой постели, но ... радостный вопль Лёхи номер один даёт мне понять, что Господь от меня отступил. Неподдалёку от нас настырно и нагло ТОРПОРЩИТСЯ открытая дверь ресторана. Я к ней не иду. Я еле бреду. А мысль лишь одна: «Напьюсь, как свинья, и рухну под стол. Тащите меня в номер тогда, подлецы».

Яркий свет бьёт в глаза. Громкая музыка заглушает голоса. В зале танцуют что-то похожее на лезгинку. Я оглушен. Такое впечатление, что из тихого омута меня бросили в бурную горную реку. Я озираюсь по сторонам. Но моя робкая надежда на то, что свободных мест не найдётся, рассыпается в прах. Нас ведут к столику, сервированному на четверых. Такое впечатление, что он дожидался именно нас.

Заказываем. Я тупо смотрю на танцующих. В основном здесь грузины, но есть и братья славяне. Однако славяне танцуют с таким же огнём, как и местные. Мы выпиваем вино, которое стоит на столе. Я с удивлением чувствую, что ... сонливость моя пропадает, а мои ноги начинают сами приплясывать под столом. Я долго креплюсь: лысина, возраст... Но... чёрт бы со всем! И я вдруг оказываюсь в гуще танцующих.

Я чувствую на себе удивлённые взгляды. Но мне откровенно на всё наплевать. Я пьян! Не вином. Я выпил немного. А музыкой и ... доброжелательной, радостной атмосферой.

С налёту осилил танца два или три. И даже удостоился похвалы официантки-девочки. «Да вы молодец!» - сказала она, сверкнув на меня молодыми глазами. И тут же, поставив блюдо на стол, сама пошла танцевать. Вот тут-то я понял КТО из нас молодец. Такой искромётной лезгинки я, кажется, не видел нигде.

А вообще-то, в ту Новогоднюю ночь (а помнить её буду долго) плясали практически все. Девочки-официантки выделялись особо. Они очень лихо отжигали лезгинку и ... между делом разносили заказы ...

Проснулись мы где-то в обед. Нам было пора уезжать из Тбилиси. Ребята тотчас стали собираться в дорогу. Меня же отправили за бутылкой сухого вина. Я вышел на улицу и ... тут же попал в погребок.

Хозяин был занят. Он вешал лапшу на уши двум дамам-бабам (я эти слова здесь употребляю по месту). А именно: подливал им в бокалы вина, толкуя об «изысканном вкусе лозы, произрастающей на склонах Кавказа». Вино дамы-бабы

пили мелко, жеманно, изображая из себя знатоков. Тут мне бы уйти, не мешать «дегустации», но, видно, сказала угарная ночь и сдуру я брякнул: «Нельзя ли мне тоже?» Хозяин едва ли взглянул на меня и тут же небрежно налил из какой-то бутылки. Я отпил – поморщился, скулы свело. Хозяин был вежлив: «Позвольте домашнего с привкусом ягод?» Я глянул в окно – ребята уже мне махали рукой – и, молча, кивнул головой. Мне тут же всучили ... «полторашку» из пластика. Я взял – не идти же к ребятам пустым.

В машине Леха номер один немедленно испросил у меня бутылку на предмет дегустации. Реакция на вино была «деликатной и мягкой»: «Есть предложение выбросить эту дрянь!» Машина остановилась возле помойки и «полторашка» «домашнего с привкусом ягод» полетела в контейнер.

Нас всех задевает, что в ГРУЗИИ мы «пролетаем» с вином. И нам теперь его нужно непременно купить и непременно на винном заводе. Мы едем, смотрим винный завод и слушаем грузинские песни.

О Боже! Какое же чудо эти грузинские песни! Едва мы сели в машину, как ребята тотчас включали радио и в нашем салоне постоянно звучали грузинские песни. Мы даже не сомневались, что они будут теперь сопровождать нас повсюду. Увы! Едва мы отъехали от Тбилиси, как станция, передающая песни, умолкла, по-видимому, сигнал не проходил через горы. И дальше мы искали завод в тишине...

Но вот, наконец, и завод с магазином. А там нас встречает пальчатый мужик: «Вино дорогое... Поставляется в лучшие рестораны Тбилиси...» В его монологе много раз повторяется «ЭКО»: «Экоудобрения .., Экотехнология..., Экообработка...» За всеми этими «ЭКО» - высокомерное пренебрежение к нам: «Вы всё равно ничего здесь не купите.» Когда же Лёха за номером первым придирчиво выбирает две бутылки «сухого», «пальчатый» не может сдержать удивления и, выдавая товар, сказал, точно сделал подарок: «Надеюсь, не пожалеете. Выбор хорош.»

Не пожалели. Вино оказалось отменным. Особенно белое. На цвет оно жёлтое с едва приметной горчинкой и удивительно вкусное. Наверное, такое вино когда-то римляне разбавляли водой. Сейчас некоторые «виноделы» это делают сами, по всей вероятности для того, чтобы нас избавить от лишних хлопот.

Меня отвлекает дом метрах в ста от машины. На доме какие-то странные ставни. Я подхожу и вижу, что не ошибся. Окно заколочено наглухо. И больше того, по улице дальше ещё есть пустующие дома. Народу там нет. Куда-то ушел. Наверное, проводить гей - парады в Тбилиси. Печально и грустно смотреть на слепые глазницы домов. Мне что-то не хочется таких вот «парадов».

Мы едем дальше и с интересом смотрим в окно. Теперь это чужая страна – здесь всё по – другому. Но нет. Оказалось, не всё. Я замечаю родные, советские «зилки» и «газончики», стоящие «на приколе» возле домов. Они большей частью облезлые, ржавые. Но новых машин рядом с ними не видно. И как-то на улицах пусто, не густо и на шоссе. Ребята останавливаются в центре посёлка купить в магазине воды.

Едва мы выходим из автомашины, как меня окликает старый грузин из окошка автофургончика:

-Здравствуй. Ты из России?

-Здравствуй. – отвечаю я машинально, - Из России.

-А! – грузин улыбается и протягивает мне через окошко ... конфету.

Я в полном недоумении смотрю на него.

-Возьмите. Это нормально. – советует мне Лёха один, который в два раза моложе меня, но, видимо, в жизни во столько же раз искушеннее.

Как автомат, я сую конфету в карман.

-Откуда из России? – продолжает улыбаться грузин.

-Из Твери.

-Из Твери? – на лбу собеседника обозначилась складка.

-Из Калинина. – я начинаю «врубаться».

-А! Из Калинина. Знаю. И как там живёте?

-По-разному. Но более-менее. А вы-то здесь как?

-Да ..., - старик смотрит в сторону.

Я так и не понял «да» - это хорошо или плохо. Но чувствую пора уходить:

-Пока. Я пошёл.

-Привет Калинину передай. –несётся мне вслед из кабины фургончика.

Когда мы выходим из магазина, фургончика уже нету – уехал. Нам тоже пора. Однако Лёха за номером два внезапно мрачнеет и, тихо ругаясь, лезет в багажник. Пробило одно из колёс. По- видимому, при подъезде, когда угодили в разрушенную ливнёвку.

Тут, точно из-под земли, появляются два паренька. Со странной назойливостью они наблюдают за тем, как мы меняем колёса. Стараясь быть вежливым, спрашиваю:

-Вам что, ребята?

Однако «ребята» лишь улыбаются. Тупо. Не в тему.

-Отстань от них, пап, - Лёха второй продолжает невозмутимо возиться с ключами, - Во- первых, они ни бельмеса не понимают по русски, а, во-вторых, хотят заработать. Сейчас они сами уйдут.

И верно. Завидев, как два Алексея сноровисто переставляют колёса, «желающие заработать» как будто бы испаряются, незаметно и тихо. О них неожиданно вспоминает Лёха номер один, когда мы уже садимся в машину:

-Стоят, как бараны, как будто язык проглотили. Вот так-то приедешь, лет через десять – по-русски и поговорить будет не с кем.

Но Лёха второй значительно более прозаичен, чем первый. Он грустную реплику пропускает мимо ушей и тут же предлагает прозаично и просто:

-Давайте лучше хлеб местный пробовать. Я есть хочу.

Мы прямо руками ломаем непривычного вида батон, который приобрели в магазине. Хлеб здесь хорош. Пожалуй, даже очень хорош, а потому на глазах исчезает. Я сыт и мне хватит. А ребятам вот нет. Машина останавливается возле кафе.

Уже в вестибюле нас встречает почётный караул официантов. Меня распирает от важности, гордости. Я чувствую себя генералом с инспекцией, но это увы ... ненадолго. Когда мы уже садимся за столик и смотрим меню, я тихо начинаю сдуваться, как подло проколотый шарик. Меню - на грузинском и ... - на английском. И всё! Больше никаких языков! И тут мои гордость и важность уходят и мною овладевает Вселенская Скорбь. Униженно я прошу меню на ... НЕМЕЦКОМ и с грустьюзираю, как официант деревенеет. В глазах у него пустота и ... печаль.

Я десять лет потратил на немецкий (тут школа и, конечно, институт). А толку что? Да, абсолютно никакого. А всё из-за драчливых немцев, лбом открывающих чужую дверь. Им нужно было брать пример с соседней англосаксов, которые по жизни хитрож ... загибают жар руками. Конечно, не своими, а чужими. Весь мир теперь болтает по – английски. А я с немецким никому не нужен.

... Но всё же пообедали. Обед был вкусным. И мы оставили «на чай». Быть может, всё-таки поймут и список блюд напишут ... ну, если и не на немецком, то хотя бы ... на русском.

И снова дорога. То серпантин, то прямая, то вовсе чёрт знает какая. Конечная точка маршрута – Храм Святой Нины, которая когда-то крестила грузин.

Поставили в храме мы свечи за здоровье близких, и тут же ребята толкуют, что где-то «внизу» есть источник, в котором они хотят искупаться. Я, мягко говоря, удивлён: что за блажь, зима есть зима, даже в Грузии. Но, если хотите – пошли. Мы вместе спускаемся по каменной лестнице, на удивление длинной-предлинной.

Источник оказался в часовне, которая стоит над купелью. Возле часовни – монашка. Она за весьма условную цену нам предлагает хитоны, в которых нужно купаться. Желающих окунуться немного: мы да ещё две грузинки. Одна из них, что постарше, входит в часовню и ... «пропадает». Я отпускаю по этому поводу, наверное, не самую удачную шутку. В ответ молодая грузинка говорит мне буквально несколько слов. Звучат они вежливо, сдержанно, но в полной мере дают мне понять, что шутки ЗДЕСЬ неуместны. Мне совестно. Я медленно начинаю осознавать ГДЕ в данный момент нахожусь. Однако конечное осознание приходит ко мне поздно: на самом верху длинной каменной лестницы, по которой мы уже поднялись. Я останавливаюсь и смотрю вниз, туда, где за деревьями скрылась часовня. Мне почему-то искренно жаль, что я не окунулся в купели. Ребята меня понимают: «Пошли. Мы проводим».

И вот я в купели. Вода обжигающе холодна и бодрит. По лестнице я теперь не плетусь, а взлетаю. На самом верху неожиданно встречаю молодую грузинку. Лицо её светится, сияет, как солнышко. Улыбка её согревает. Мгновения мы друг на друга глядим и ... тотчас расходимся. Я – вверх, за ребятами, к храму. Она – вниз, в ущелье, к часовне. Так мне и запомнился храм Святой Нины: жгуче-холодной, бодрящей водой и солнечно-тёплой, согревающей улыбкой грузинки.

И снова Тбилиси. Столица, как перевалочный пункт. Отсюда (по планам) мы должны стартовать на Батуми. Перед поездкой нужно отдохнуть и расслабиться - мы посещаем серные бани.

У входа клиентов встречают суровые банщики в семейных трусах по колено. Они беспрестанно дымят сигаретами. Я не курю и табачный дым не переношу, но ...не здесь. Здесь я внезапно почувствовал себя пацаном из далёкого детства. Тогда наши банщики так же ходили в трусах по колено и так же бесцеремонно курили.

-Массаж сколько времени ? – я задаю этот вопрос массажисту, отвислое брюхо которого не выдерживает резинка трусов.

-Пятнадцать минут! – недовольно бурчит он вполоборота.

-А тридцать? Я доплачу.

Мгновение – другое банщик смотрит на меня такими глазами, как будто бы хочет сожрать меня целиком за идиотский вопрос. Затем свирепо рычит:

-Я тебе сделаю! Но тебе плохо будет!

Я снова почувствовал себя сопливым мальчишкой из далёкого детства.

Массаж и бассейн. В бассейне особо не посидишь: три – пять минут и сердце колотит, как бешенное. А выйдя из бани, я с благодарностью вспоминаю «свирепого» банщика. Какое-то странное, нереальное расслабление и тела, и ... головы. И, чтобы прийти в себя, мы какое-то время сидим на скамейке.

События стремительно нарастают и тут же уходят, как верстовые столбы на дороге. Вот мы уже в скальном монастыре. Он за века много пережил и много чего повидал. Здесь турки монахов сжигали живыми. Не раз его грабили и разоряли.

Полузвериные – получеловечьи жилища-пещеры. Ходы-переходы, подчас понад пропастью. Какие-то плиты-столы, сиденья из обломков скалы. Следы очага, потухшего незнамо когда. Внизу нам сказали, что жив монастырь, однако монахов не видно. Здесь камни, одни только мёртвые камни. Мне холодно, пусто и хочется вон. Внезапно ... пещера наполнилась звоном, негромким, но мелодичным и ясным. Он льётся с угрюмых каменных сводов, которые вдруг оживают. В скале бьёт неспешно, размеренно бронзовый колокол, ожившее сердце монастыря. И сердцем своим монастырь говорит: «Я жив, несмотря на невзгоды. Я жив. И молюсь за всех, и за вас, что все пришли посмотреть на меня ...»

Закончился Благовест. Растворился. Пропал ... Неторопливо, задумчиво мы покидаем ЖИВЫЕ пещеры.

И снова в пути. Однако на этот раз у нас разногласия. Да что разногласия... Настоящий скандал! Мне нужно в Батуми. Мне до зарезу нужно в Батуми! Я знаю, что там меня ждёт девчонка-грузинка. Она, как и прежде, стоит у плиты и варит мне вкусный, превосходнейший кофе. Я к ней подойду и она, улыбнувшись, протянет мне ароматную чашку. А мимо, хрустя белой галькой, проковыляет тетка-гусыня с корзиной, крича своё: «Хачапури! Горячие хачапури! Горячие, вкусные хачапури!» Январское море вдруг станет ласковым, тёплым. А я, как и прежде, молодым и счастливым!..

Но этим балбесам в машине меня не понять. Они только тупо твердят, как бараны: «Нам на работу. Нам на работу». Да плюньте! В конце-то концов, скажитесь больными. Поедем в Батуми. Прошу! Умоляю! Да вы старики! Вы СТАРЕЕ, чем я!

Но молодость, как всегда, берет верх. Мы едем к границе, во Владик, домой. А я, сдобрив горькое горе вином, сижу уже тихо и размышляю: «Я непременно вернусь. Я приеду в Батуми. И юная девочка с яркими, как агаты, глазами нальёт мне свой кофе, ароматнейший кофе. Ждала сорок лет, ещё год – другой подождёт.